

неизменной форме, соответствующей произношению в заимствующем языке; этому же правилу подчиняются существительные, образовавшиеся от прилагательных и причастий, если они не являются собственными именами; последние пишутся с полным сохранением русской формы, например: *социалистически революция* (общество, реализм), *существительный, прилагательный*, но: *М. Горький, Н. К. Крупская* и т. д.

Одна лишь даргинская секция приняла решение во всех случаях сохранить русскую орфографическую форму основ и грамматических окончаний вплоть до родового согласования в им. падеже ед. числа, например: *социалистическая революция, социалистическое общество, социалистический реализм*.

Заслуживает особого внимания также вопрос об обозначении так называемых классов в диалектах очень неустойчива, причем она подверглась наибольшему разрушению в глаголах. Классные показатели в глаголах в одних говорах вовсе не употребляются, в других обозначаются непоследовательно. Поэтому при составлении первого свода орфографических правил табасаранского языка с участием покойного проф. А. Н. Генко, изучавшего диалекты этого языка, было принято решение не употреблять в литературном языке классные показатели в глагольных формах, как отличающиеся большой сложностью и неустойчивостью в разных наречиях табасаранского языка. Ныне в табасаранской секции большинством голосов решили обозначать классные показатели и в глагольных формах. Однако один из шести членов секции остался сторонником прежнего решения и в пользу его выставил ряд доводов, ссылаясь при этом на мнение некоторых преподавателей родных языков, не появивших на сессию. Очевидно, вопрос нуждается в дополнительном изучении, после чего будет возможно принять определенное решение. На заседаниях языковых секций были внесены уточнения также в ряд других правил орфографии.

На заключительном пленарном заседании сессия, подытожив работу секций, приняла развернутую резолюцию и признала необходимым, прежде чем применить на практике принятые изменения и дополнения к алфавитам и орфографическим правилам, обсудить их в Институте языкознания АН СССР и на Ученом совете Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР, а затем представить в соответствующие органы правительства для утверждения в законодательном порядке.

Научная сессия Института истории, языка и литературы Дагестанского филиала АН СССР явилась большим событием в культурной жизни республики и дала весьма положительные результаты. Во всех докладах, выступлениях и в принятой резолюции подчеркивалось стремление способствовать совершенствованию и обогащению литературных языков, которым принадлежит чрезвычайно важная роль в выполнении исторических задач, намеченных XIX съездом Коммунистической партии Советского Союза и вытекающих из гениального труда И. В. Сталина «Экономические проблемы социализма в СССР».

М. М. Гаджиев и Ш. И. Михайлов

## ЯЗЫКОВЕДЧЕСКАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ В БУРЯТ-МОНГОЛЬСКОЙ АССР

С 26 по 31 января 1953 г. в Улан-Удэ происходила конференция по основным вопросам бурят-монгольского языкознания, созданная Бурят-монгольским научно-исследовательским институтом культуры. В работе конференции приняли участие научные работники Бурят-Монголии, Иркутска, Ленинграда и Москвы, преподаватели бурят-монгольского языка в средних школах, писатели и артисты, журналисты и переводчики, представители партийных, советских и общественных организаций республики.

Конференция открылась докладом доктора филол. наук Г. Д. Санжеева «Грамматический строй бурят-монгольского языка в свете учения И. В. Сталина о языке». Докладчик охарактеризовал огромное значение работ И. В. Сталина о языке для бурят-монгольского языкознания. Все еще неудовлетворительное состояние бурят-монгольского языкознания он объяснил наличием в прошлом марровских ошибок в работах лингвистов-бурятovedов. Г. Д. Санжеев, Д. А. Алексеев и др. лингвисты в прошлом пытались объяснить с позиций «теории» стадиальности Н. Я. Марра специфические черты бурят-монгольского языка, доказывая, что он якобы находится на более низкой стадии развития, чем индоевропейские языки. Части речи бурят-монгольского языка трактовались Д. А. Алексеевым на основе порочных схем Марра — Мещанинова, в силу чего имена типа *модон* «дерево» по выполняемым ими синтаксическим функциям оказывались то существительными, то прилагательными.

Переходя к спорным вопросам грамматики бурят-монгольского языка, докладчик рекомендовал при классификации имен руководствоваться лексико-грамматическим принципом и пытался установить в бурят-монгольском языке наличие следующих именных частей речи: 1) существительных, в форме своей основы не могущих выступать

в функции определений других имен; 2) предметных имен, выступающих в роли определений других имен путем простого примыкания; 3) прилагательных, обозначающих признак только предмета; 4) качественных имен, обозначающих признак как предмета, так и действия<sup>1</sup>.

Докладчик особо остановился на явлениях перехода отдельных имен прилагательных в категорию имен существительных, при котором прилагательные теряют присущие им грамматические свойства (например, участие в конструкциях сравнения) и обозначают уже не признак предмета, а предмет по какому-либо его признаку. Например, *хара* «черный», *сагаан* «белый» переходят в разряд имен существительных соответственно со значениями «злоба» и «белок». Эти явления, по мнению докладчика, не следует смешивать со случаями окказионального употребления имен прилагательных вместо существительных, поскольку они при этом не теряют свои грамматические свойства. Равным образом, отдельные имена существительных становятся прилагательными, если они, обозначая не предмет, а признак предмета, приобретают грамматические свойства последних, например, *ногоон* «травя» со значением «зеленый» может участвовать в конструкциях сравнения или принимать частицы усиления (*ноб-ногоон* «презеленый» по аналогии с *хаб-хара* «пречерный»). Таким образом, переход отдельных слов из одной лексико-грамматической категории в другую не осуществляется в синтаксисе, а лишь проявляется в нем, и только при таком понимании явлений языка возможно четко определить границы между морфологией и синтаксисом.

Докладчик подчеркнул далее необходимость уточнения классификации глагольных форм. В учебных пособиях по бурят-монгольскому языку одна и та же форма иногда именуется различно; например, причастие будущего времени именуется то изъяснительной формой, то причастной. В бурят-монгольском языке, по мнению докладчика, устанавливаются следующие глагольные формы:

- 1) формы описательно-повествовательного или изъяснительного наклонения;
- 2) формы обращения или повелительно-желательного наклонения;
- 3) причастия;
- 4) деепричастия, выражающие как сопутствующие действия, так и обстоятельственные (формы на *-бал* со значением «если», *-тар* «пока не», *-мсар* «как только» и т. д.).

Касаясь проблем синтаксиса бурят-монгольского языка, Г. Д. Санжеев указал, что до последнего времени некоторые лингвисты при трактовке вопроса о сложноподчиненном предложении руководствовались не нормами бурят-монгольского языка, а переводом на русский язык причастных и деепричастных оборотов или же наличием в этих оборотах «своего» особого подлежащего. Такой подход к материалам языка не позволил исследователям усмотреть наличие подлинных придаточных предложений. Сейчас уже можно говорить о придаточных предложениях, с одной стороны, и причастных и деепричастных оборотах — с другой. В рамках школьных пособий не следует проводить грани между полными и неполными причастными и деепричастными оборотами. Полные причастные и деепричастные обороты — это обороты, имеющие свое особое подлежащее, что связано с особым оформлением самого причастия или деепричастия.

Докладчик также предостерегал против смешения сложных предложений с так называемым синтаксическим целым. Последнее представляет собой два предложения, связанных не грамматически, а только логически. Формально связь между предложениями синтаксического целого осуществляется при посредстве ссылочных слов.

Существующие учебники синтаксиса бурят-монгольского языка в ряде случаев требуют, по мнению докладчика, уточнения и некоторой разгрузки от излишнего материала. Об этом же говорил и проф. Т. А. Бертагеев, после окончания работы конференции сделавший доклад о синтаксисе бурят-монгольского языка.

С содокладом «О преподавании грамматики бурят-монгольского языка в школах» выступил министр просвещения Бурят-Монгольской АССР канд. пед. наук И. В. Бараников, подчеркнувший, что школа испытывает большие трудности, обусловленные недостаточной изученностью грамматического строя бурят-монгольского языка и отсутствием научной и нормативной грамматики, составленных на основе сталинского учения о языке. Вследствие этого в школьных грамматиках до сих пор не уточнены части речи, их формы и категории, структура предложения, причастные и деепричастные обороты и некоторые вопросы фонетики, орфографии и пунктуации.

И. В. Бараников остановился также на трудностях, возникающих вследствие многодиалектности бурят-монгольского языка. Население западных и южных районов плохо понимает литературный язык, преподавание часто ведется на местных диалектах. Нет единства у преподавателей родного языка и преподавателей других предметов. Первые на уроках пользуются литературным языком, а вторые — своими родными диа-

<sup>1</sup> Подробнее точка зрения Г. Д. Санжеева изложена в его статье «К проблеме частей речи в алтайских языках», «Вопросы языкознания», М., 1952, № 6, стр. 84—102.

лектами, иногда непонятными для учащихся, которые, как правило, также пользуются местными диалектами, что сильно затрудняет развитие литературного языка. Большим пробелом в бурят-монгольском языкознании является отсутствие научно разработанной орфоэпии.

В прениях по первому вопросу больше всего говорилось о частях речи. Многие ораторы возражали против стремления Г. Д. Санжеева выделить имена предметные в особую категорию, отличающуюся от категории имен существительных, поскольку, по их мнению, такое выделение не является достаточно обоснованным в теоретическом отношении.

Больше всего возражений было связано с вопросами методики; указывалось, что классифицировать имена по четырем разрядам, установленным Г. Д. Санжеевым, трудно и что в таком большом количестве именных групп школьнику легко запутаться. Было решено в школьных грамматиках сохранить только две именные части речи: *юмэнэй нэрэ* (буквально: имя предмета) и *тамдэгэй нэрэ* (имя признака), первая из которых покрывает и существительные и предметные имена, а вторая — прилагательные и качественные имена (по классификации Г. Д. Санжеева).

До сих пор дело обстояло таким образом, что грамматические термины *юмэнэй нэрэ* и *тамдэгэй нэрэ* на русский язык соответственно переводились или как имена существительные и прилагательные, или как имена предметные и качественные, что зависело от взглядов языковеда. Иными словами, споры в основном возникали только тогда, когда соответствующие именные части бурят-монгольского языка сопоставлялись с соответствующими частями речи русского языка, если не считать того, что некоторые монголисты слова типа *модон* «дерево» определяли по выполняемой ими синтаксической функции то как имена существительные, то как имена прилагательные.

С изложением своей особой точки зрения выступил канд. филол. наук Д. А. Алексеев, устанавливающий наличие в бурят-монгольском языке только имен существительных и прилагательных, что само по себе не встретило особого возражения. Но участники конференции отметили, что Д. А. Алексеев по сути дела придерживается чисто синтаксического принципа определения частей речи, отвергнутого в настоящее время нашей наукой.

В соответствии с таким «принципом» Д. А. Алексеева одни и те же слова оказываются то именами существительными (*модон ургажа байна* «дерево растет»), то именами прилагательными (*модон байшан* «деревянный дом»). Против такого «кочевания» всех слов по различным разрядам имен и переводного метода решительно возражали многие участники конференции, исходя из соображений теоретического и практического характера, поскольку такой подход к явлениям языка не дает возможности провести четкой грани между морфологией и синтаксисом.

Участники конференции единодушно осуждали учебники, выдающие одни и те же глагольные формы то за причастные, то за изьявительные. Многие преподаватели родного языка указывали, в какое ложное и затруднительное положение ставят их авторы учебников, излагающие материал о глагольных формах в таком духе.

Трактовка вопроса о сложном предложении, данная в учебниках бурят-монгольского языка, не вызвала особых возражений. И здесь критике подверглась главным образом методическая сторона учебников. Учителя жаловались на большой объем и сложность синтаксического материала, указывали на трудности, возникающие при прохождении его в небольшие сроки, предусмотренные учебным планом. Правда, Д. А. Алексеев настаивал на том, чтобы из учебных грамматик совсем устранить понятия о причастных и деепричастных оборотах, которые, по его мнению, должны трактоваться как придаточные предложения. Но этот взгляд не встретил поддержки у большинства участников конференции.

Конференция пришла к выводу о необходимости коренной перестройки всей научно-исследовательской работы по бурят-монгольскому языкознанию в свете учения И. В. Сталина о языке. Одной из первоочередных задач признано создание фундаментальной научно-описательной грамматики бурят-монгольского языка, основанной на сталинском учении о языке. В этой грамматике должны быть разрешены многие неясные и спорные проблемы, касающиеся различных категорий и разрядов внутренних частей речи и глагола (виды, наклонения), уточнены вопросы о типах предложения (простого и сложного), о причастных, деепричастных и именных оборотах и определены лексико-грамматические признаки различных категорий бурят-монгольского языка в форме, доступной для легкого и быстрого восприятия в ходе школьного преподавания.

Вместе с тем на конференции выявилось, что методика преподавания родного языка страдает существенными недостатками, ибо, например, механическое перенесение методических приемов преподавания грамматики русского языка в преподавание грамматики бурят-монгольского языка сильно затрудняет учителей при истолковании имен типа *модон* «дерево» или *тумэр* «железо».

Доклад «О территориальных диалектах бурят-монгольского языка» сделал канд. филол. наук Д. А. Алексеев, устанавливающий в современном бурят-монгольском языке наличие следующих диалектов: 1) хоринский, 2) селенгинско-иволгинский,

3) цонголо-саргульский, 4) кабанский, 5) баргузинский, 6) тункинский, 7) эхирит-булагский, 8) качутский, 9) бохайский, 10) алар-ко-унгинский и 11) нижнеудинский.

Против такой классификации диалектов бурят-монгольского языка, от которой по существу не отличается и классификация Г. Д. Санжеева, возражали многие участники конференции; некоторые ораторы говорили о наличии лишь четырех диалектов: западного, восточного, прибайкальского и южного.

Однако позиции обеих сторон были слабо обоснованы материалом, преобладал глазомерный подход, никто из выступавших не располагал достаточным количеством объективных данных, необходимых для решения вопросов диалектологии. Ни история возникновения диалектов, ни отношение их к литературному языку не были прослежены с достаточной полнотой. Остался не выясненным до конца вопрос о том, касаются ли лексические различия между диалектами основного словарного фонда или же лежат где-то на периферии их словарного состава.

Конференция отметила необходимость планомерного изучения диалектов и говоров бурят-монгольского языка, научного определения различий между диалектом и говором и разработки самой методики диалектологического исследования. Практическими результатами такого изучения должны явиться диалектологические карты и диалектологический словарь. Главное же внимание лингвистов надлежит сосредоточить на изучении таких кардинальных вопросов, как взаимодействие литературного языка и местных диалектов, пути и методы дальнейшего развития нового литературного языка и преодоления многодиалектности.

С докладом «О переводах общественно-политической литературы с русского языка на бурят-монгольский» выступил канд. филол. наук Ц. Б. Цыдендамбаев, подчеркнувший большое значение, которое имеет для бурят-монгольского народа литература, переводимая с русского языка. В республике переводится большое количество произведений классиков марксизма-ленинизма, общественно-политической, научно-популярной, учебной и художественной литературы. Естественно, что проблемы перевода с русского языка на бурят-монгольский привлекли к себе серьезное внимание участников конференции.

В прошлом много вреда переводческому делу причинили буржуазные националисты-панмонголисты. Они придерживались пуристических позиций, всячески избегая заимствования русских слов, но охотно употребляя старомонгольские слова и архаические грамматические формы старомонгольского письменного языка. Все это делало язык переводов мало понятным для массового читателя. К тому же для их «работ» характерно было злонамеренное переводческое своеволие, недопустимое вредительское искажение оригинала переводимого текста.

Положение с переводами резко изменилось после разгрома буржуазных националистов и с ростом новых кадров национальной интеллигенции, а также с принятием хоринского диалекта в качестве основы бурят-монгольского языка и созданием новой письменности на базе русской графики. Переводчики стали бережно относиться к оригиналу, внедрять и широко использовать русские и интернациональные термины, уже усвоенные широкими массами бурят-монголов.

Однако в конце тридцатых годов наметилось чрезмерное увлечение заимствованием таких русских слов, которые имели свои эквиваленты в бурят-монгольском языке. Нормализовалось положение с заимствованиями лишь в сороковых годах. С другой стороны, бережное отношение к оригиналу часто подменялось буквализмом, затруднявшим понимание читателем переводной литературы.

За последние годы, как отметил докладчик, качество переводов (например, документов XIX съезда Коммунистической партии, материалов газеты «Правда» и т. д.) заметно улучшилось. Однако и самые лучшие переводы все еще не свободны от недостатков. В настоящее время переводчикам нельзя ограничиваться простой передачей смысла, необходимо передавать и стиль оригинала.

В заключение докладчик высказался за создание необходимых для переводчиков словарей (русско-бурятского, словаря синонимов, терминологического и т. д.), за подготовку и издание работ, обобщающих и теоретически освещающих практику перевода, за организацию курсов переводчиков, за широкое и обязательное обсуждение переводов и их рецензирование.

На конференции выступили многие переводчики и редакторы, полностью подтвердившие справедливость основных положений доклада, целесообразность и своевременность предложений докладчика. Из выступлений явствовало, что республика располагает квалифицированными переводческими кадрами, которые хорошо понимают, какая ответственность лежит на них, и прилагают все усилия к тому, чтобы дать высококачественные переводы. Однако переводчики не получают помощи со стороны лингвистов, не располагают даже самыми необходимыми пособиями и вынуждены в ряде случаев действовать вслепую. Следовательно, неудовлетворительное состояние с переводами обусловлено главным образом отсутствием исследовательской работы в области теории перевода.

Конференция высказалась также за организацию при Бурят-монгольском научно-исследовательском институте культуры сектора перевода и терминологии.

Последним был заслушан доклад канд. филол. наук Д. Д. Амоголонова «Об улучшении правописания бурят-монгольского литературного языка». Докладчик отметил, что создание нового литературного языка на базе хоринского диалекта и новой письменности на основе русской графики явилось меропрятием большого политического и культурного значения. Ныне действующие орфографические правила, существующие уже свыше 12 лет, свидетельствуют о том, что вопросы графики и орфографии решены вполне удовлетворительно, а потому нет никакой необходимости в коренной ломке основ орфографии. Речь может идти лишь о дополнении, улучшении, упрощении и более точной и ясной формулировке правил орфографии.

Д. Д. Амоголонов внес ряд предложений, имеющих целью усовершенствование орфографии. Его предложения, в частности, касались: 1) обозначения краткого гласного (ныне в письме опускаемого) после согласного *б* в основе слов типа *убэгзэн* вместо *убгэн* «старик» и правописания существительных, образованных от глаголов (*балдха* — *балдхал* «заготовка», *урдаха* — *урадхал* «течение» и т. д.); 2) обозначения палатализации согласных перед твердыми согласными в словах типа *олтрог* «остров» вместо *олтрог*; 3) употребления знака *ы* лишь в тех случаях, где ясно слышится соответствующий звук, и замены его в остальных случаях дифтонгами (*угэй* «нет» вместо *угы*; *дугуй* «мостик» вместо *дугы* и т. п.).

Предложения относительно раздельного и слитного написания парных слов и слов с послелогами сводятся к следующему. Слитное написание применять только в тех случаях, когда оно давно укоренилось и стало традиционным. Вообще же следует соблюдать раздельное написание парных слов и слов с послелогами.

Одно из предложений шло по линии унификации грамматических форм. Орфография глагольной формы обращения 1-го лица мн. числа встречается в практике немало трудностей. Докладчик предложил во всех случаях конечный гласный этой формы обозначать через *е* (*ошое* «идемте» вместо *ошоб*; *ябае* «пойдемте» вместо *ябая* и т. д.).

Далее докладчик коснулся алфавита, предлагая изменить функции *у* и *у*, передавая буквой *у* гласный среднего ряда, а *у* — заднего. Руководствовался он в данном случае теми соображениями, что бурятский гласный среднего ряда *у* якобы более близок к русскому *у*, нежели бурятский же *у*. Однако это предложение встретило единодушное возражение участников конференции.

Наконец, Д. Д. Амоголонов остановился на вопросе о правописании заимствованных слов, имен собственных и названий, косвенных падежей заимствованных имен существительных и т. д. Он предлагал в заимствованных словах сохранять в основном русскую орфографию. Слова, оканчивающиеся на *-ия*, *-ие*, *-ий*, утрачивают конечную гласную, сохраняя только *и*. В именах же прилагательных сочетания *-ий*, *-ий* заменяются во всех случаях буквой *а* (*партийна*, *экономическа*). Косвенные падежи образуются соответственно правилам бурят-монгольского языка, а гласные падежных окончаний уподобляются ударной гласной основы слова (*партяар* «партийей», *экономикоор* «экономикой»).

Конференция согласилась с докладчиком в вопросе о необходимости усовершенствования орфографии, хотя некоторые из его положений и вызвали серьезные возражения со стороны выступавших. Раздавались голоса протеста против замены *ы* дифтонгом, ибо в этом усматривали возврат к пройденному этапу. Положения Д. Д. Амоголонова о правописании заимствованных слов были выслушаны с большим интересом и вниманием, однако они все же вызывали некоторые недоумения, так как эти положения, особенно в части косвенных падежей, были сформулированы докладчиком недостаточно четко и убедительно.

Естественно, что такая широкая конференция не смогла за один день детально разобраться во всех поднятых Д. Д. Амоголоновым вопросах и сформулировать какие-то практические решения. Педагогическому институту им. Д. Банзарова, Бурят-Монгольскому научно-исследовательскому институту культуры, Министерству просвещения Бурят-Монгольской АССР и другим заинтересованным организациям было рекомендовано составить «Свод правил по бурят-монгольской орфографии» и «Орфографический словарь», учтя предложения докладчика и соображения товарищей, выступавших в прениях.

На заключительном заседании была принята резолюция о состоянии и очередных задачах бурят-монгольского языкознания, основные положения которой приводились выше в связи с изложением содержания докладов и хода прений.

Конференция, как отмечается в резолюции, явилась крупным событием в культурной жизни республики. Она показала рост лингвистических кадров и большой интерес общественности к вопросам языкознания и родному языку. На конференции присутствовали сотни людей, в прениях выступило свыше 80 человек, работа конференции широко освещалась республиканской печатью и радио.

Конференция отметила, что соответствующие институты Академии наук СССР и лингвистические кафедры ленинградских и московских вузов уделяют мало внимания изучению бурят-монгольского языка, а языковеды республики крайне медленно перестраивают свою работу в свете учения И. В. Сталина о языке, работают разоб-

шенно, в их среде слабо развита критика и самокритика, редко проводятся дискуссии по основным вопросам бурят-монгольского языка, а дискуссии, состоявшиеся в прошлом, не дали ожидаемых результатов, поскольку они велись на порочной методологической основе.

Призвав к немедленному изжитию этих недостатков, конференция указала на необходимость быстрее преодолевать марровские ошибки, имеющиеся в работах бурятоведов, решительно внедрять марксизм во все отрасли бурят-монгольского языкознания и на этой основе изучать пути дальнейшего развития бурят-монгольского литературного языка, его обогащения за счет диалектов и преодоления многодиалектности, глубоко и всесторонне исследовать закономерности возникновения, развития и современного состояния бурят-монгольского языка, его грамматического строя и основного словарного фонда, его диалектов и говоров.

Большие и ответственные задачи в области развития языкознания стоят перед научно-исследовательскими учреждениями Бурят-Монгольской АССР. Целый ряд актуальных проблем бурят-монгольского языкознания, поднятых конференцией, требуют неотложного решения. После выхода в свет гениальных трудов И. В. Сталина по языкознанию языковеды-бурятоведы добились, как свидетельствует только что прошедшая конференция, лишь первых успехов. Вооруженные сталинским учением о языке, они должны найти правильное решение сложных вопросов и добиться новых успехов в области дальнейшего развития бурят-монгольского языкознания.

*Г. И. Михайлов*